

Сладкая Арман

НОВОГОДНИЙ СОБЛАЗН ДЛЯ БОССА

УДК 82-3
ББК 84-4
А83

А83 **Арман С.**
Новогодний соблазн для босса / Сладкая Арман – М.: Литнет, 2026. – 138 с.

ISBN 978-5-521-94902-1

Мой брак рухнул из-за измены. Чтобы выжить, я согласилась на стриптиз в образе Снегурочки. Я не ждала чуда. Но оно пришло в лице него — человека, чья боль была зеркалом моей. Одна ночь страсти переплела наши жизни. Теперь мы вместе скрываем наш роман, прячемся от сплетен и пытаемся начать всё с чистого листа. Но чья-то холодная расчетливость готова разрушить наше хрупкое счастье...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94902-1

© Литнет, 2026
© С. Арман, 2026

Глава 1

Григорий

Двадцать восьмое декабря. Самое пыточное время года. Каждый раз, глядя в окно своего кабинета на двадцать восьмом этаже, я ловил себя на мысли, что ненавижу этот город. Не всегда. Раньше, когда она была жива, он сверкал для меня миллионами огней возможностей. Теперь это была просто гигантская, бездушная электросхема, подсвеченная идиотской предновогодней мишурой. Каждый витринный Дед Мороз, каждая гирлянда на чужом балконе – все это было мелким, назойливым уколом в незаживающую рану.

Я налил виски в тяжелый хрустальный стакан. Без льда. Мне был нужен не вкус, а действие – тяжелый, надежный удар по нервной системе, чтобы приглушить внутреннюю сирену, завывавшую в висках с наступлением декабря. Три года. Иногда казалось, что все случилось вчера. Я все еще просыпался ночью, протягивая руку к ее стороне кровати, и встречал лишь холодную простыню. А иногда ощущал, будто прожил без нее целую вечность. Вечность, состоящую из одинаковых, серых, безрадостных дней.

Тишина в кабинете была абсолютной, звукоизоляция поглощала даже гул лифтов. Я ценил эту тишину. Она была моим единственным спутником, и я предпочитал ее любой компании. Она, в отличие от людей, не предавала. Не требовала. Не ждала ничего, кроме моего молчаливого согласия просто существовать в ней.

В дверь постучали. Легко, настойчиво, ритмично. Знакомый, отточенный стук.

– Войди, Элеонора, – бросил я, не оборачиваясь. Я узнавал ее походку, по стуку каблуков, даже по тому, как скрипела дверь, когда она ее открывала.

Она вошла, словно впорхнула, наполнив стерильное простран-

ство запахом холодного, дорогого парфюма с нотками замороженных цветов и чего-то металлического. Как она сама.

– Григорий, нельзя впадать в зимнюю спячку, особенно когда весь город на взводе! – ее голос, отлаженный и уверенный, разрезал тишину. – Завтра корпоратив. Ты должен быть там. Не можешь пропустить.

– Я работаю, – я отхлебнул виски, приветствуя знакомый жгучий след в горле. Любая физическая боль была желанным отвлечением от душевной. – Или ты не видишь разложенных отчетов?

– Вижу, что ты методично превращаешь свой желудок в химическую лабораторию по переработке этанола. И это, прости, не лучшая бизнес-стратегия. Ты – лицо компании. Основатель. Люди ждут, что ты появишься, скажешь пару напутственных слов. Это важно для морального духа команды.

– А мой моральный дух? – спросил я, наконец поворачивая к ней кресло. – Его кто-то учитывает?

Элеонора стояла, идеальная, в своем строгом костюме цвета вороненой стали. Ее взгляд, прямой и безжалостный, не дрогнул.

– Нет, – ответила она без тени сомнения или сочувствия. – Ты – скала, Григорий. Фундамент. Скалы не имеют морального духа. Они просто есть. И все о них разбивается. В том числе и чужие ожидания. Твоя задача – быть несокрушимым. Даже если это иллюзия.

Я усмехнулся. Сухая, беззвучная усмешка. Она, как всегда, была права. Я и был этой чертовой скалой. С того самого дня, как перестало биться ее сердце. С того утра, когда я проснулся от тишины в доме и понял, что больше не слышу ее прерывистого, хриплого дыхания из соседней комнаты. Она умирала долго, мучительно, почти два года, и каждый день уносил с собой по кусочку меня, по обломку от той скалы, которой я когда-то был.

Годовщина ее смерти была весной. Но самый ад начинался сейчас, в канун Нового года. Именно три года назад нам в последний раз сказали: «Готовьтесь. Дней десять, не больше». Они ошиблись.

Она, моя боевая, сильная Ирина, продержалась до середины марта, цепляясь за жизнь с таким отчаянием, что у меня до сих пор сжималось сердце. Каждый день я молил Богу, которого не существовало, забрать ее боль, забрать ее, лишь бы это кончилось. А когда это случилось, я понял, что молился о собственном конце.

Я резко повернулся обратно к окну, сжимая стакан так, что хрусталь угрожающе хрустнул.

– Я не могу, Лео. Смотреть на дежурные улыбки, на эти глупые, наигранные надежды... На то, как все строят планы на будущее, как будто оно у них есть.

– Оно есть, Григорий. У них. И твоя задача – быть частью этого будущего для них. Хотя бы на сорок минут. Покажи, что скала все еще на месте, что компания твердо стоит на ногах. Иначе поползут сплетни. О твоём состоянии. О стабильности. Ты же не хочешь, чтобы паника среди топ-менеджеров ударила по акциям? Чтобы наши инвесторы занервничали?

Я зажмурился, чувствуя, как накатывает знакомая волна усталости. Она была права. Всегда права. Бизнес, который я строил когда-то для нас, для нашего будущего, превратился в хрупкий механизм, полностью зависящий от моего имиджа. Малейшая трещина – и все рухнет. Я был скалой. И скала не имеет права давать трещины. Даже если внутри – выжженная, мертвая пустота.

– Хорошо, – я сдался, выдохнув это слово вместе с остатками сил. – Сорок минут. Ровно. Ни секундой больше.

– Отлично! – я услышал, как в ее голосе прорвалось искреннее, почти человеческое облегчение. – Я позаботилась о программе. Будет фуршет, награждение лучших сотрудников, ну и... небольшой сюрприз. Для поднятия настроения команды. Я заказала Снегурочку!

Снегурочка. Мерзкая, пошлая пародия на что-то чистое, зимнее, детское. На то, что было навсегда отравлено для меня болью палаты, запахом лекарств, тиканьем часов в ночи и безмолвными криками отчаяния, которые я давил в себе, держа ее за руку.

– Превосходно, – пробормотал я. – Ты что, надеешься, что я воспользуюсь гирляндой вместо галстука, если станет невольно?

– Нет, – ее голос снова стал жестким, деловым. – Я надеюсь, что ты хотя бы на сорок минут перестанешь смотреть в прошлое и взглянешь на настоящее. В нем все еще есть жизнь, Григорий. Как бы ты ни старался этого не замечать. Я договорилась. Твое присутствие – обязательно. Хотя бы на сорок минут.

Она развернулась и вышла так же стремительно, как и появилась. Дверь закрылась с тихим щелчком, и я снова остался в одиночестве. Давящем, всепоглощающем. Я медленно допил виски и снова налил. Рука предательски дрожала. «Посмотреть на жизнь». Какая жизнь? Моя жизнь остановилась три года назад. Все, что было после – просто инерция, автоматические действия. Дни, похожие один на другой, как гробы в колумбарии. Работа, которая когда-то была смыслом, делом всей жизни, теперь была лишь способом не сойти с ума, заполнить чем-то пустоту между утром и вечером. Дом, огромный и роскошный, в котором я боялся оставаться, потому что в его идеальной, вылизанной до стерильности тишине я слышал эхо. Эхо ее смеха на кухне. Эхо ее шагов по паркету. Эхо ее последнего, хриплого вздоха, который я услышал, сидя рядом и держа ее уже холодеющую руку.

Я не прикасался к женщинам с тех пор. Не мог. Мысль о другом прикосновении, о другом запахе, о другой коже рядом казалась мне чудовищным кошмаром. Изменой ее памяти. Изменой той части моего существа, которая умерла и похоронена вместе с ней. Я стал профессиональным аскетом, монахом в мире порока и денег, и это было моим единственным утешением. Моим крестом и моим оправданием.

Меня будто выключили. Я функционировал, но не жил. И это устраивало всех. Элеонору – потому что стабильная компания приносила доход. Сотрудников – потому что я не лез в их дела, платил исправно и был таким мифом, призраком на верхнем этаже. Устра-

ивало это и меня. Пока не наступали эти проклятые предпраздничные дни, обнажавшие всю мою внутреннюю пустоту.

Я встал и подошел к встроенному в стену сейфу. Ввел код. Дверь открылась с тихим шипением. Внутри, среди папок с важными документами, лежала одна-единственная, ничем не примечательная фотография в простой деревянной рамке. Мы с Ириной в Крыму, за год до того, как у нее диагностировали болезнь. Мы на пляже, за спиной – темно-синее море. Она смеется, запрокинув голову, ветер треплет ее светлые, солнцем выгоревшие волосы. А я смотрю на нее, и в моих глазах – вся вселенная. Глупый, слепой, безмерно счастливый идиот, не подозревающий, что рай конечен. Я провел пальцем по холодному стеклу, по контуру ее щеки, ее губ.

– Прости, – прошептал я, и голос сорвался на хрип. – Прости, что должен идти на этот дурацкий, фальшивый праздник. Прости, что продолжаю дышать, ходить, говорить... что я все еще здесь, а тебя нет.

Я захлопнул сейф. Звук был окончательным, как удар гроба о дно могилы. Виски в стакане вдруг показался мне отвратительной жижей. Но я допил его. Тоска, тяжелая, как свинцовый колокол, накрыла меня с головой.

Сорок минут. Я простою их. Как монумент. Как надгробная плита самому себе. А потом вернусь сюда, к своей верности. К своей боли. К единственному, что у меня осталось от жизни. К тишине.

Глава 2

Галина

Морозец пощипывал щеки, а я, как дура, улыбалась прохожим и еще крепче прижимала к груди подарочный пакет. Внутри лежал дорожный кашемировый свитер цвета эспрессо. Тот самый, на который Артем как-то обронил: «Смотри, какой классный». Я месяц откладывала с продуктов, копила на эту бессмысленную, по сути, вещь. Но сейчас, за два дня до Нового года, мне казалось, что это – тот самый волшебный плед, который укутает наш выхолощенный быт, вернет хоть каплю тепла.

Мы не ссорились. Мы тихо загибались. Как тот фикус на кухне, который я забыла полить, и он медленно, день за днем, сбрасывал листья, пока не остался голый, одревеневший стебель. Стебель нашего брака. Восемь лет. Последние два – после третьего проваленного ЭКО – мы жили в режиме хрупкого перемирия. Разговаривали мало, спали врозь – я из-за гормонов то плакала, то впадала в истерику, а он говорил, что я «своими нервами добыю его окончательно». Секс стал редким, неловким ритуалом, больше похожим на медицинскую процедуру. Но я цеплялась. Цеплялась за него, за эту квартиру, за призрачную надежду, что вот-вот, вот еще одна попытка, и все наладится. Родится ребенок, и Артем снова посмотрит на меня так, как раньше – с восторгом и желанием.

Я зашла в его офисное здание, помахала знакомой охране. Вадим, седой дядька, грустно улыбнулся мне в ответ.

– К муженьку с сюрпризом? – кивнул он.

– С сюрпризом, – бодро ответила я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Мне почему-то было страшно.

Лифт поднимался на его этаж беззвучно. Я вышла в пустой, вылизанный до блеска коридор. В приемной никого не было – секретарша Марина, видимо, уже ушла. Я прошла к его кабинету, мои

балетки неслышно ступали по мягкому ковру. Дверь была приоткрыта. Странно. Он всегда запирался, говорил, что не может работать, когда кто-то может ворваться. И тут я услышала. Смех. Женский. Высокий, серебристый, настоящий. Не тот придушенный смешок, что я себе позволяла в последнее время. А потом – его смех. Глубокий, расслабленный. Таким он смеялся, когда мы только познакомились, когда все было просто и я была для него – самой желанной. Ледяная игла вошла мне прямо в сердце. Рука сама потянулась к ручке, толкнула дверь. И мир разлетелся на осколки.

Он сидел на своем роскошном кожаном диване, откинувшись назад. Рубашка растегнута, волосы растрепаны. А на нем, прямо на нем, устроилась молодая, стройная девушка. Из маркетинга, кажется. Лена? Алена? Я всегда путала их, этих куколок на шпильках. Ее юбка была задрана так, что видно было бежевые кружевные трусики. Его рука лежала у нее на голой бедру, ее пальцы в это время заплетались в его волосах. Они не сразу заметили меня. Продолжали смотреть друг на друга, дышать друг другом.

– Артем... – выдохнула я. Моего голоса почти не было слышно.

Они резко обернулись. Девушка – нет, стерва – вскрикнула и сползла с него. Ее лицо пылало румянцем, но в глазах читалось не столько смущение, сколько раздражение от того, что ее прервали. Артем медленно, с театральным спокойствием, поднялся с дивана. Он не стал застегивать рубашку. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по мне с ног до головы. По моему старому, расползающемуся пальто, по растянутой кофте, по лицу без макияжа и волосам, собранным в небрежный хвост.

– Галя, – произнес он ровно. – А ты что здесь делаешь?

От его тона меня бросило в жар. Я стояла на пороге, сжимая в руках этот дурацкий пакет, и чувствовала себя нелепым, жирным пятном на безупречном интерьере его жизни.

– Я... я принесла тебе... – я попыталась поднять пакет, но рука не слушалась.

– Уходи, Алена, – не глядя на девушку, бросил Артем.

Та, нахохлившись, поправила юбку и, бросив на меня злобный взгляд, выскользнула из кабинета, щелкая каблуками. Дверь закрылась. Мы остались одни. Воздух был густым и тяжелым, пахло ее духами – сладкими, цветочными, и его одеколоном.

– Ну? – он сложил руки на груди. – И что это было? Внезапная проверка? Недоверие?

У меня перехватило дыхание. Это был он, мой муж, только что застуканный с любовницей в своем же кабинете, и он вел себя так, будто это я вломилась к нему с обыском.

– Ты... Ты изменяешь мне? – наконец выдавила я, и голос мой прозвучал как скрип ржавой двери.

Артем громко рассмеялся. Неприятно, резко.

– О, Боже! Какая проникательность! Наконец-то дошло! Поздравляю с открытием, Шерлок. Хотя, – его взгляд снова, медленно, с насмешкой, прошелся по моей фигуре. – На Шерлока ты не тянешь. Разве что на доктора Ватсона. Толстую версию.

Каждое слово было похоже на удар хлыстом. Я почувствовала, как по ногам разливается ледяная слабость, и прислонилась к косяку, чтобы не упасть.

– Когда? – прошептала я. – Как давно это... это продолжается?

– Когда ты стала мне противна? – переспросил он, притворно задумавшись. – Давно, Галя. Очень. Может, когда на нашу последнюю годовщину ты заказала торт и сожрала его в одиночку за вечер, заливая слезами. Или когда окончательно перестала краситься и следить за собой, превратившись в... это, – он сделал жест рукой в мою сторону. – Хотя нет. Все началось раньше. Когда ты вообще перестала стараться. Перестала быть женщиной. А что ты хотела? – его глаза, холодные, как стекло, скользнули по моим бедрам, животу, груди. – Посмотри на себя. На эти складки... Эти растяжки... Эти полные ноги в этих убогих балетках. Ты думала, мужчина может хотеть ЭТО? После работы, уставший, мечтает прижаться к такому?